

Вег. Москва. - 1990. - 14/III - 90. - 2. 3

ВЕЛИЧИЕ И ДОБРОТА ФАИНЫ РАНЕВСКОЙ

К народной артистке Советского Союза Фаине Георгиевне Раневской могли броситься на улице в объятия так, что у нее с головы слетала шляпа. При этом незнакомые люди, призывая других прохожих разделить радость узнавания, не сдерживались в своих чувствах: «Смотрите, это же она. Это — Раневская!».

Таких примеров при ее жизни было немало, за ними, как говорят, не приходится далеко ходить. Но если попытаться все же пойти дальше, то мы узнаем, например, что ею как актрисой восхищался президент Соединенных Штатов Америки Франклин Рузвельт. Это было после просмотра в Белом доме фильма «Мечта» с ее участием. А Теодор Драйзер, который тоже был на том кинопросмотре, пережив душевный порыв, принялся писать о ней статью.

Но эти люди, высоко оценившие актерское мастерство Фаины Георгиевны, не могли знать о ее душевных качествах. Именно они, душевные качества, определяли жизненные принципы Раневской как человека.

В квартире, где она жила, на видном месте висел портрет Анны Ахматовой. Другим она признавалась: «Анна Андреевна дарила меня своей дружбой».

Это, конечно, было так. Но и сама Анна Андреевна могла бы повторить то же в отношении Фаины Георгиевны. Она и забывала, как оказалась в Ташкенте после блокадного Ленинграда, ее, ослабевшую и больную, мужественно выхаживала Фаина Георгиевна. И дело даже не только в том, что она делилась с ней своим скудным пайком, который получала по карточкам. Мало кто знает, что по ночам актриса пробиралась на малолюдные улочки и, заметив хилый заборчик, таея, напрягая свои тоже не ахти какие силки, выламывала доску и несла Anne Андреевне, чтобы протопить в то ненастное холодное время года самодельную печурку.

Фаине Георгиевне принадлежат слова: «Не знаю большего величия, чем доброта». Вот видите, на какую высоту возносит она доброту — на высоту величия. Для этого надо быть, наверное, очень сильным, мужественным и бесстрашным человеком. Такой она и была. В полной мере эти качества проявились в ненастные августовские дни 1946 года. Тогда, подобно бомбовому удару, все газеты опубликовали постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград». Два прекрасных имени русской культуры — Зощенко и

Ахматова — сразу стали опальными. В их квартирах вдруг перестали звонить телефоны. Людей объял страх за них и в еще большей степени за себя. Мало кто в то время, ох как мало, из числа друзей пренебрег чувством собственной безопасности. Фаина Раневская была первой, кто рванулся к Anne Ахматовой. Для нее словно заголосил колокол бедствия. Первое, что она увидела, — едва ли не мертвенную бледность и синеву губ. Обе долго молчали. Анну Андреевну знобило. В доме не было ничего из еды. Фаина Георгиевна помчалась в близлежащий магазин, принесла что-то съестное, попыталась ее покормить, напоить чаем. Но та ничего не принимала. Она как бы оставалась в беспамятстве. Позднее Фаина Георгиевна скажет: «Это день ее и моей муки за нее и страха за нее».

Телефон упрямо молчал. Никто не приходил. В помутневших глазах великой поэтессы как бы навечно застыл немой вопрос: «За что? И что происходит?».

Фаина Георгиевна подолгу оставалась с ней, потом стала выводить на улицу. Прохожие узнавали Ахматову, проходили, опустив глаза, и дивились, что рядом с ней вышагивала Раневская. Каждый с ужасом думал: сама навлекает на себя беду. В известных органах, несомненно, уже известен поступок актрисы, не пожелавшей считаться с тем, что по самому черному говорилось и печаталось в те дни вокруг имени Ахматовой.

«Пусть видят, пусть все видят», — думала Фаина Георгиевна.

Это был ее протест. Тогда мало кто осмеливался так выражать свое несогласие и боль, как свою собственную.

Однажды во время прогулки подолгу молчавшая Анна Андреевна остановилась вдруг посреди улицы и спросила отчетливо, с явным недоумением: «Скажите, зачем великой моей стране, изгнавшей Гитлера со всей его техникой, понадобилось пройтись всеми танками по грудной клетке одной больной старухи?».

Всегда находчивая, Фаина Раневская не могла ответить на этот вопрос. И никто до сих пор не может, потому что нет оправдания несправедливости и бессмысленной жестокости, которую испытала великая поэтесса.

...Над городом, где пронеслась гроза, завывал ветер и, пронзая небеса, долго продолжала блистать молния...

Дмитрий БРУДНЫЙ.